

Шото медленно потянулся, его глаза были полузакрыты, а лицо искажала гримаса от острой боли в левом плече. Он не мог вспомнить, был ли это удар или пинок, из-за которого его плечо было в таком состоянии, но, несмотря на боль, с его губ не слетело ни звука.

Он встал и медленно направился в ванную, чтобы быстро принять ледяной душ, прежде чем начать маскировать синяки, которые его одежда не могла скрыть.

Он сомневался, что люди на улице остановятся, чтобы посмотреть на них; шрам вокруг левого глаза был гораздо заметнее и слишком легко привлекал внимание, но он не хотел рисковать.

Он ненавидел этот шрам, слишком заметный, чтобы его можно было скрыть косметикой, которая плохо держалась на изуродованной коже.

Кожа в шрамах тянула, и левый глаз не открывался полностью, как правый, красные ресницы были реже, чем белые на правом глазу, как и брови. Разница была не такой уж сильной, но шрам дал одноклассникам из средней школы повод насмехаться над ним, а кому-то - жалеть его в течение этих трех лет, давая Шото понять что зло живет не только в сердце его отца.

Хоть кожа и была почти полностью лишена чувствительности, когда он прикасался к ней, Шото все начинал чувствовать кипящую воду, и крики его матери смешивались с его собственными, когда отец избивал ее до крови.

Десяти лет не хватило, чтобы забыть ту ночь, и всей жизни, вероятно, не хватило бы для этого.

Прием ледяного душа не спасал даже в разгар зимы. Отыне ощущение горячей воды на его коже лишь возвращало Шото к тому моменту, к ненависти и ужасу, которые он видел на лице матери, к мучительной боли в глазу, на лице, а затем в горле, от криков, которые стоили ему очередных побоев и еще большей боли.

Та ночь он не только оставила его с осознанием того, что родители его не любят; она также заставила его усвоить то, что он должен молчать, подчиняться без слов, без жалоб. Он понял, и когда доктор снял повязку с его глаза, Шото сдержал подступающие слезы и промолчал.

Врач объяснил, что повреждение, похоже, распространилось на сетчатку и что у Шото, вероятно, будут проблемы со зрением.

Энджи совсем не был счастлив, Шото видел это по его лицу, и когда его спросили, хорошо ли он видит, он солгал; уж слишком он боится отца, когда тот рядом. Раз один глаз поврежден, то не беда, ведь второго глаза достаточно. Для него имело значение то, что он все еще жив, хоть он и предпочел бы не жить, потому что жить было страшно.

Когда он вернулся домой, его матери уже не было.

Шото хотел бы знать, где она, но он никогда не задавал вопросов и провел большую часть следующих нескольких лет прячась в своей комнате, закрыв уши, чтобы не слышать криков Тои и Нацуо, пока его сестра плакала в соседней комнате.

Шото потратил так много времени, пытаясь простить, пытаясь убедить себя, что сможет, но он не мог. Чем больше он старался, тем больше ненавидел их. В конце концов он признал, что

никогда бы не простил их, потому прощать было нечего.

Шото остановился перед огромными воротами школы.

Это был первый день в школе, день, который, как и каждый год, он хотел, чтобы он наступил как можно скорее. Не то чтобы ему нравилась школа, отнюдь. Школа была для него сплошным мучением: раздражал звук будильника рано утром, раздражала поездка на поезде в школу, не говоря уже о восьмичасовом общении с кучей подростков, которые бросали на него сочувствующие взгляды или смеялись над его изуродованным лицом.

Сама мысль о том, что он окажется в одной комнате с незнакомцами, заставляла его нервничать, но это было единственное, что позволяло ему быть подальше от дома и не приводить отца в ярость.

УА был одной из самых престижных и дорогих школ во всей префектуре Токио, и, как считалось, в нем работали лучшие предприниматели и художники Японии.

Шото совершенно не интересовался учебой, его бы устроила любая другая школа, но для отца внешнее приличие было принципиально, и он разрешил сыну окончить только эту, школу, которая была его собственной. В конце концов, его братьев и сестер тоже постигла та же участь.

Как и ожидалось, когда он вошел в дверь класса, он не обнаружил ожидающих его знакомых лиц, только 19 незнакомцев, которых он проигнорировал, решив просто пойти и сесть в конце класса, где, как он надеялся, его никто не побеспокоит.

Было всего 08:15 утра, а некоторые из его новых одноклассников уже разговаривали небольшими группами; Шото мог только гадать, знали ли они друг друга со средней школы или они каким-то образом сблизились за эти несколько минут до начала урока.

Что ж, можно было быть уверенным только в том, что он ни с кем не собирался дружить; у него не было времени на такие вещи, и уж точно он не хотел злить Энджи и быть избитым еще больше, чем обычно.

А даже если бы и собирался, Шото не знал, с чего начать; он понятия не имел, как подойти к своим сверстникам.

Когда прозвенел звонок, все поспешили сесть, а мужчина с длинными черными волосами, собранными в довольно небрежный хвост, вошел в зал суда, закрыв за собой дверь. Он выглядел усталым и, несмотря на свои черные штаны и белую рубашку, немного потрепанным.

Шото проигнорировал это.

«Привет, ребята, меня зовут Шота Айзава, и я буду вашим учителем литературы в течение следующих 3 лет». - представился мужчина, поставив свой портфель и какие-то бумаги, которые носил под мышкой, на стол.

«Давайте проведем переключку, после чего я немного расскажу вам о программе на этот год».
- добавил мужчина, доставая из сумки планшет, чтобы проверить имена в классном журнале.

Шото не обращал особого внимания, ему было все равно, кто его одноклассники, и он не собирался запоминать их имена; однако некоторые имена легко привлекали внимание не только ее, но и всего класса.

"Иида Тэнья" - сказал учитель.

"Здесь, учитель" - сказал голубоволосый мальчик с очками в тонкой оправе на носу.

Шото узнал фамилию мальчика, его отец, насколько ему было известно, работал в автомобильной промышленности.

— Как твой брат? Он поступил на инженера? - спросил учитель.

Тэнья кивнул и быстро обменялся несколькими словами с учителем, прежде чем тот назвал следующее имя: Джиро Кьека, чьи родители были довольно известными музыкантами, во всяком случае, такой вывод Шото сделал по реакции своих одноклассников.

«Бакуго Кацуки» — прозвучало следующее имя.

— Да, да, я здесь. - раздраженно сказал пепельно-русый мальчик, сидевший на три ряда дальше.

Шото не знал его, но знал его отца: Бакуго Масару, одного из любимых стилистов своего отца. Он не раз встречался в одном из своих бутиков вместе с Энджи и имел возможность познакомиться с ним: добрый и скромный человек, полная противоположность своему сыну, который одним только видом того, как он сидел за письменным столом, показывал, что считает себя выше всего и всех.

«Мудак», — подумал Шото, глядя на него со своего места.

"Мидория Изуку" - назвал имя учитель, и Шото подумал, что у него екнуло сердце при звуке этого имени.

"Здесь, учитель", - ответил голос слева от него через пару рядов, и Шото почувствовал, как его сердце подскочило к горлу.

У него были вьющиеся темно-зеленые волосы, и сначала он казался довольно низким. На первый взгляд в нем не было ничего особенного, Шото и правда не замечал его до этого момента. На мгновение он почувствовал почти облегчение, он подумал, что, поскольку не замечал его раньше, если этот мальчик действительно был его соулмейтом, было бы легко не

обращать на него внимание.

"Тодороки Шото" - так называл его учитель, заставив его слегка подпрыгнуть.

Взгляды его одноклассников нервировали его, он тихонько сказал «да», когда поднял руку, чтобы его увидели.

"Как твои братья? Если я правильно помню, они были моими учениками..." - спросил учитель.

"Хорошо" - пробормотал Шото, опуская голову.

Учитель кивнул и переключился на следующего в списке, продолжив переключку.

Оба были заложниками отца. Нацуо редко бывал дома, оправдываясь тем, что он учится в другом городе. Только в его жизни, казалось, происходили изменения к лучшему. В жизни Фуями же был застой: она закончила университет, но так и не смогла покинуть отчий дом. Она говорила, что продолжает жить с ними ради Шото и Нацуо, но Шото не верил ей, он понимал, что Энджи каким-то образом удерживает ее.

Единственным, кто действительно начал новую жизнь, был Тойя. Однажды, (Шото тогда было восемь лет) когда отца не было дома, он ушел. Через несколько часов Энджи вернулся, принять на себя ярость отца пришлось снова Шото. Тойя же больше не возвращался, и Шото так и не смог простить его.

Шото оглянулся вокруг и увидел, что Изуку смотрел прямо ему в лицо.

У него были зеленые глаза, и даже с такого расстояния они казались ему изумрудами, сверкающими в лучах солнца. Его кожа имела слегка бронзоватый оттенок, видно было, что он любит гулять на свежем воздухе. Изуку дружелюбно улыбнулся ему, и Шото бессознательно пожал правую руку Изуку левой рукой, всячески пытаясь не замечать обнадуженный взгляд, направленный на него незнакомым парнем.

Шото выругался про себя, потому что понимал, что его судьба отныне связана с ним. Изуку был красивым, по-настоящему красивым. Шото готов был поспорить, что тот был и приятным в общении, черта, к которой он не был привыкшим и за которую невозможно было ненавидеть.

Шото сглотнул. Он чувствовал, что Изуку был тем, кто ему нужен, чувствовал, что им суждено было любить друг друга, хоть только и делал, что сдерживал слезы и молил о том, чтобы это было не так.

Час прошел быстро. Шото не обращал никакого внимания на то, что говорил учитель, так же, как и не слушал следующие два часа преподавателей по английскому и по математике.

"Привет, Я - Изуку" - Шото услышал голос мальчика позади себя.

Школьный звонок звенел уже несколько минут, но Шото так и не понял бы, что произошло, если бы не давка у выхода из класса.

— Тебя зовут Шото, верно? - спросил мальчик, не получив ответа.

Шото держал свою руку в одном положении, прежде чем решил не трясти ей, позволив Изуку поддержать ее в своей несколько секунд. Это было мудрое решение для Шото, потому что одного прикосновения было бы достаточно, и если бы Изуку действительно был его соулмейтом, маленький колокольчик на его запястье сменил бы свой черный цвет на любой другой. Шото не хотел знать, точнее, не хотел, чтобы знал его отец.

"Что ты хочешь?" — холодно спросил он.

"Подружиться?" - мальчик помедлил, опустил руку, а потом начал трогать свои пальцы.

«Я здесь не для того, чтобы дружить...» - ожидаемо пробормотал Шото фразу, которую он повторял очень часто за эти годы.

Изуку прикусил нижнюю губу, его взор пал на прикрытое запястье Шото.

«Что? Надеешься увидеть имя на моем запястье?» - прямо спросил он, заметив, как тут же упали те самые изумруды.

— Нет, это... я... — Изуку пробормотал серию бессвязных слов, явно в панике, заметно покраснев.

«Это не твое, так что какой бы картину ты себе не представил, забудь об этом...» — сказал Шото, надеясь, что эти слова каким-то образом окончательно освободят его от Изуку и положат конец этой жалкой сцене.

"Нет, то есть я... я просто подумал, что мы могли бы подружиться, в конце концов, мы же одноклассники, не так ли?" - спросил Изуку, пытаясь как-то спасти ситуацию, в то время как его щеки краснели больше и больше. Шото догадался, что осторожность определенно не была его сильной стороной и что Изуку, вероятно, был застенчивым и неуклюжим человеком. Это почти тронуло его, мысль причинить ему боль огорчила его, но у Шото не было другого выбора.

«Какую часть фразы «Я здесь не для того, чтобы заводить друзей» ты не понимаешь?» - спросил Шото, стараясь казаться как можно более злым.

"Извини..." - сказал Изуку, прежде чем повернуться и уйти с опущенной головой. Казалось, он имел в виду что-то другое, но что бы то ни было, он решил держать это при себе, и, возможно, так было лучше.

Так было лучше для них обоих, по крайней мере, Шото продолжал считать так с того момента, как эти буквы появились у него на запястье; тем не менее, он мог бы поклясться, что то, что осталось от его сердца, разбилось на еще более мелкие кусочки.

<http://tl.rulate.ru/book/89815/2881856>